

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ

КАЖДОМУ СВОЁ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Шестьдесят третий день после всемирной катастрофы, радиоактивные пустоши, 110 километров до точки входа в склады «Росрезерва», 17.05, время московское.

Медленно ползущий через грязно-бурую мешанину урагана вездеход вновь ударился о невидимое в бурлящем месиве препятствие и остановился, подрагивая под порывами мощного ветра. Сидящий в своём углу Овечкин скривился, сверяясь с хронометром скафандра, и бросил взгляд в ближайший иллюминатор. Не видно ни черта, всё вокруг утонуло в беснующемся океане черного снега, хоть смотри, хоть не смотри – результат одинаков. И еще одно столкновение наглядно демонстрирует, что сидящему за штурвалом Порфирьеву из кабины видно ничуть не лучше. Хотя, нет, сейчас вездеходом управляет Александр, бывший пожарный, а ныне старший техник Экспедиционного Корпуса – структуры, являющейся воплощением надежды на выживание их подземного отеля, в котором ни хрена нет. Экспедиционный Корпус! Антон невольно закатил глаза. Звучит настолько же громко, насколько жалко выглядит. Шестеро вояк плюс пара гражданских мужчин, не имеющих сколь бы то ни было полезной специальности, зато имеющих угрожающий уровень облучения, вот и вся рабочая сила. Толка от которой, помимо примитивных действий в стиле «подай-принеси-погрузи» ждать не приходится. Состав Специалистов ЭК тоже не блещет: Владимир, совсем молодой пацан, проработавший техником на станции метрополитена то ли два, то ли три года; Александр, пожарный из ныне почившего МЧС; да сам Порфирьев. Впрочем, Порфирьев не специалист, он командир ЭК, и это правильно, потому что специалист с него никакой! Настоящий специалист здесь только один – это Антон Овечкин, дипломированный инженер-механик с почти десятилетним опытом работы. Попавший в рабство к военной хунте, по-другому и не сказать. Впрочем, Дилара права, всё могло обернуться гораздо хуже.

- Двадцать пять минут до интоксикации, - в ближнем эфире раздался рык Порфирьева. – Дальше тянуть опасно. Нужно разворачивать базу.

- Нас ураганом не снесёт? – Лейтенант выразил общую мысль, с тревогой вглядываясь в ревушую за иллюминатором грязную круговерть. – Там на ногах не устоять! Может, подождём немного?

Минут десять в запасе есть, у нас ни у кого интоксикация минута в минуту не наступает, у всех есть запас. Вдруг ураган утихнет?

- А если нет? – парировал Порфирьев. – Если не утихнет, ты успеешь развернуть базу под таким ветром, в снегу и за десять минут? Все, кто в экзокорсетах, на выход! Остальным ждать указаний. Тех – Варягу!

- Тех на связи! - голос молодого техника пробился через шипение помех.

- Подводи грузовик вплотную ко мне! – велел капитан. – Хам, заякоривай прицеп и отцепляй от грузовика! Сомкнем грузовик с прицепом под острым углом, пусть хоть как-то рассекает воздушный поток. Так базу разворачивать будет легче.

- Я под таким ветром не развернусь! – запаниковал молодой техник. – Машину водит из стороны в сторону!

- Я сам развернусь, - успокоил его Порфирьев, - держи машину на месте, сейчас приду!

Военные распахнули грузовой люк, и рёв урагана усилился втрое. Четверка облаченных в экзокорсеты солдат неуклюже выбралась наружу, люк захлопнулся, и Овечкин остался один, если не считать упирающегося в ноги контейнера с базой. Почему военные не забрали контейнер с собой,

было понятно: сперва им предстоит надежно закрепить вездеход на воздушной подушке и грузовик с прицепом, которым сейчас управляет молодой техник, после чего составить всё это в некое подобие барьера на пути урагана. Не понятно другое: насколько успешно они смогут сделать это под порывами ветра, играючи раскачивающего многотонный транспорт. Лишь бы из-за этих действий ничего не перевернуло ураганом. За недели мытарств по превратившимся в радиоактивную пустошь просторам необъятной Родины Антон четко уяснил простое правило: если начинается по-настоящему сильный ураган, нужно бросать всё и разворачивать технику мордой точно навстречу воздушному потоку. И поддерживать минимальную скорость, если есть возможность. Только так можно гарантированно избежать опрокидывания. Сейчас же Порфирьев собрался смыкать грузовик и прицеп друг с другом под острым углом. Антон, как инженер, понимал его замысел, но кто сказал, что ветер не сменится и не ударит внутрь этого рассекателя?

Вообще эта экспедиция началась и до этого момента проходила гораздо лучше его предыдущих злоключений. Инженеры и техники Брилёва сумели собрать из двух обычных грузовиков одни аэросани с прицепом. И то, и другое, получилось здоровенное, каждое грузоподъемностью в двадцать тонн, и Овечкин испытывал сильные сомнения в том, что с таким грузом аэросани смогут идти по бесконечной радиоактивной свалке. Но умники Миронова заявили, что всё рассчитано безошибочно, и если экспедиция будет беречь полозья аэросаней и прицепа, то они гарантируют работоспособность конструкции. Спорить с ними Антон не стал, лишь скептически ухмыльнулся про себя. Беречь полозья! Это как? На руках их через опасные места перетаскивать? Или третий глаз должен подсказывать водителю, где из-под черного снега, утопающего в черноте ядерной ночи, торчит какой-нибудь обугленный до черноты обломок пня или расплавленной бетонной балки? Это вам не за путепрокладчиком по комфортной пробитой дороге ехать, пока на улице еще тепло, нет снега и достаточно светло! Сейчас на поверхности в полдень так же темно, как в полночь! Он, Антон, это хорошо знает! Потому что сам каждую смену ползал по горному склону, пока монтировал кожух для ретранслятора и налаживал связь с внешним миром! Которую оказалось невозможно установить как раз по причине наглухо забитой радиоактивной пылью атмосферы!

Но уникамы Миронова были уверены в своей правоте, и доводы Антона посчитали неубедительными. Мол, в голове колонны будет идти вездеход на воздушной подушке, он более маневренный и лучше управляется, ему обнаруживать и объезжать препятствия не впервой, так что грузовику с прицепом остается лишь двигаться по следам вездехода «и всё будет норм». Поначалу так и было. Порфирьев с пожарным вели вездеход, сменяя друг друга по мере усталости, когда глаза уставали вглядываться в висящую всюду бесконечную пылевую стену. За вездеходом двигался грузовик-аэросани с поставленным на полозья прицепом. Грузовиком управлял молодой техник, его менял бывший спортсмен-армянин, которому от Абрека достался радио-позывной «Весло». Почему весло? Элементарно – потому что армянин в прошлом КМС по спортивной гребле. Овечкин в который раз мысленно закрыл лицо рукой. Вот что значит, когда власть попадает в руки дебилам в военной форме. Упивающийся своей всеильностью Абрек не пожалел даже своего, и лейтенант получил позывной «Хам» всего лишь потому, что имел неосторожность иметь имя Хамиль. В том, что кровожадный головорез Абрек был уникально психически болен даже для вояки, Антон не сомневался.

К слову, второй гражданский активист из их команды получил от головореза позывной «Дно». За то, что посмел не иметь полезных навыков, ибо в прошлом был видеоблогером и специалистом по маркетингу в сети. Причём не самым плохим. Как выяснилось, Антон даже смотрел некоторые его подкасты и находил их достаточно интересными. Но из-за осунувшегося внешнего вида вкупе с недельной щетиной, да еще в респираторе, узнать его не смог, что неудивительно. Теперь Дно пытается в буквальном смысле на ходу осваивать навыки управления грузовиком. До войны он предпочитал использовать автомобили с автопилотом, и сам водил слабо. Но винить его за это Антон бы не стал, потому что так поступало большинство людей, работающих в сети. Умнее заниматься делами в интернете, пока автопилот твоего автомобиля ползет через очередную московскую пробку, чем бездарно тратить это время на протиранье руля ладонями. Он сам-то водил машину самостоятельно лишь потому, что жил недалеко от работы, и оплачивать подписку на автопилот было невыгодно. Ехать было недалеко даже через пробку, которая всегда образовывалась на выезде

из офиса в одно и то же время. Поэтому на углубленные навыки управления автотранспортом Антон не претендовал и наотрез отказался вести грузовик, когда Порфирьев предложил ему сделать это. Еще не хватало врезаться во что-нибудь в этом бесконечном океане пыли и стать козлом отпущения. Вояки и так делают его крайним по поводу и без такового. Его дело – разбираться с высокотехнологичной техникой. Для этого Экспедиционному Корпусу и понадобился Инженер, не так ли?

К счастью, Порфирьев это понимал и заставлять Антона не стал. После того, как Овечкин воплотил в чертежи и расчеты его план по созданию возле входа в «Подземстрой-1» внешнего ангара, отношение амбала к Овечкину улучшилось, и Антону стало доставаться меньше неприятностей. Капитан даже снял с него обязанности мусорщика, которые Абрек, услышав об этом, немедленно переложил на беднягу Дно. Но Антон заявил, что добровольно берется быть мусорщиком и дальше, при условии, что мусор он выносит только на марше. Абрек заржал и согласился, Порфирьев ничего не сказал, лишь бросил на Овечкина одобрителный взгляд и велел Дно выносить мусор тогда, когда Антон занят работой по специальности. Остальные вояки ЭК тоже оценили его решение и стали относиться к нему заметно лучше. Антон скрыл усмешку. Прimitивные головорезы с примитивным мышлением. Просчитываются на раз! Стоило выразить готовность разделить с ними их низко-интеллектуальный труд, потому что на высоко-интеллектуальный они не способны, и примитивным это понравилось. Что ж, если им от этого легче, он не против. Лишь бы не кидались на него, как на чужака. А вытащить мешок с пустыми консервными банками и рваными обёртками раз в сутки Антону не сложно. Наоборот, это намного легче, чем надрываться на разворачивании базы, когда счет идет на минуты, а каждый ее элемент весит десятки килограмм.

Тем более, что сейчас с этим стало гораздо проще. Брилёв выдал Порфирьеву в дополнение к имеющейся паре экзокорсетов еще четыре штурмовых комплекта. Всё это обеспечили необходимым запасом элементов питания, и теперь возиться с базой будут солдаты, оснащенные усилителями конечностей. Надрываться никому не придется. Правда, закованные в экзокорсеты солдаты занимают слишком много места, поэтому половина экспедиции вынуждена ехать в кузове грузовика, и это будет проблемой на обратном пути, когда грузовик и прицеп будут забиты продуктами под завязку. Но самого Антона это не коснулось, его из вездехода выгонять не стали, потому что Инженер – это уникальный ресурс, а остальное – заботы Порфирьева. Он что-то там организовал еще на стадии переделки грузовиков на тему радиационной защиты кабин, вот пусть сам и разбирается, раз такой начальник.

- Варяг – Хаму! – Затрещал помехами эфир. – Прицеп заякорили! Оцепляю!

- Принял, - раздался в ответ знакомый рык. – Отведи людей, сейчас буду разворачиваться!

Лейтенант что-то ответил, но его слова утонули в громких помехах, видимо, он вышел из зоны уверенного приёма. Антон выглянул в иллюминатор, но ничего не увидел в кромешной тьме бушующего черного снега. Он принялся двигаться от одного иллюминатора к другому и всё же сумел заметить несколько мутных световых пятен. Похоже, подвести грузовик вплотную к вездеходу не удалось, и солдаты заякорили его где-то там, метрах в пятнадцати отсюда. Портативные рации скафандров в условиях сильной ионизации атмосферы цепляют плохо, а в таком урагане связь становится еще хуже, падая до двух-трех десятков шагов. Последнее время интенсивность ураганов сильно возросла, их продолжительность увеличилась, и это оказалось большей угрозой, чем ожидалось.

После технического обслуживания их вездеход на воздушной подушке, к тому же избавившийся от перманентного перегруза, оказался способен развивать неплохую скорость. По крайней мере, шестьдесят километров в час он выдавал без проблем, и Порфирьев говорил, что ехать быстрее не получается из-за опасности столкновения. Видимость в условиях пропитавшей вечную ночь сплошной пылевой завесы слишком плохая, постоянно существует угроза столкновения, и чем выше скорость, тем выше опасность. Спорить с этим не стал никто, но Антон рискнул задать встречный вопрос:

- Олег, что мешает проложить безопасный курс? Твое снаряжение оборудовано навигационными средствами, ты же сам говорил, что прокладываешь маршрут по гирокомпасу! Мы уже трижды

проходили этот маршрут, разве нельзя в четвертый раз двигаться по заранее заложенной в память безопасной траектории?

В ответ на это Порфирьев молча затащил Антона в кабину вездехода, посадил за штурвал и ткнул пальцем в сенсорную панель навигатора:

- Вот безопасная траектория, - прорычал он. – Проложена в обход пробок. Езжай!

- Я не водитель вездехода! – Овечкин попытался оправдаться, переводя взгляд с пыльной темноты за лобовым стеклом на отметку местоположения вездехода, светящуюся на тонкой черте проложенного курса. Кривой маршрут, спроецированный на лобовое стекло усилиями команды Миронова, ни о чем не говорил Антону. – У меня нет навыков вождения такого уровня!

- Их ни у кого нет, - флегматично заявил Порфирьев. – Никто не проходил обучение вождению в радиоактивной ночной пыли на глазок. Езжай! Заодно посмотрим, вдрут у тебя талант.

Пришлось подчиниться. Антон тронулся с места, осторожно набирая скорость километров десять в час, но уже через десяток секунд врезался во что-то невидимое в пылевом мраке. Оказалось, что двигаться по гирокомпасу можно очень приблизительно, ибо о смещении с траектории ты узнаешь лишь в тот момент, когда с нее уже сместился, а в условиях наглухо запыленной ночи ехать быстро попросту страшно, потому что ничего не видно, и с маршрута выскакиваешь чуть ли не постоянно. Вместо езды по прямой получается движение рваными зигзагами, и хорошо, если обходится без столкновений. Антон был вынужден признать свою ошибку и попросить остановить эксперимент под предлогом сохранения вездехода. Порфирьев гробить машину не стал, и издевательство над Овечкиным прекратил, но на всякий случай Антон решил действовать так, как действовал во время экспедиции за водной скважиной, то есть не спорить с оголтелыми вояками и терпеть всё молча. Это обидно, зато упрощает жизнь.

В общем, вездеход на воздушной подушке мог ехать быстро, и аэросани с прицепом, вроде как тоже. Но из-за никакой видимости Порфирьев не разгонял машину больше, чем до шестидесяти, да и то, делал это только в условиях штиля и только там, где был уверен, что может ехать по прямой без угрозы столкновения, то есть, фактически, он вёл вездеход по памяти. Сидящие за рулем аэросаней люди помнили маршрут значительно хуже капитана, у армянина с позывным Весло к тому же отсутствовал опыт вождения в условиях донельзя запыленной ночи, и стоило ему сменить за рулем молодого техника, как аэросани начинали отставать от вездехода, и колонна была вынуждена сбрасывать скорость. Но самой серьёзной проблемой стали ураганы. Их возросшая интенсивность и увеличившаяся частота заставляли колонну двигаться медленно, а во время шквальных порывов ветра и вовсе едва ползти, надрывно завывая двигателями. Результатом всего этого явилось то, что к исходу цикла антирада из четырехсот семидесяти километров расстояния от Центра до Росрезерва удалось пройти только триста пятьдесят или около того, и стало ясно, что добраться туда на одном цикле антирада на практике совершенно не реально, хотя теоретически это возможно.

- Олег! Сани сносит ветром! – эфир зашипел встревоженным голосом пожарного. – Я не могу удержать вездеход на месте! Меня закручивает!

Вглядывающийся в ночную пылевую муть Антон почувствовал, что вездеход действительно пятится под натиском бушующей стихии, и плохо виднеющиеся в иллюминаторах световые пятна прожекторов аэросаней медленно уплывают куда-то в бок.

- Держи курс! – рычание Порфирьева вынырнуло из треска помех. – Не позволяй урагану развернуть машину! Сбавь мощность, пусть тебя немного стащит назад, за грузовик! Потом заведёшь вездеход за прицеп, укроешься за ним!

- Варяг, ты уткнулся в прицеп! – вклинился в разговор лейтенант. – Не дави! Якоря не выдержат! Из-под снега обломки уже выкорчевывает!

- Заякоривайте грузовик! – велел капитан. – Быстрее! Если сейчас сбросить газ, меня утащит хрен знает куда, я на полозьях под углом к ветру стою!

Несколько минут в эфире стояла плохо различимая возня, сказывались сильные помехи, потом приём улучшился, и Антон понял, что солдатам в экзокорсетах удалось задуманное. Грузовик и прицеп сомкнули друг с другом под острым углом и поставили на два якоря каждый. Благо, команда Миронова изначально предусмотрела такую возможность. Овечкин поморщился. Эти вундеркинды сразу дали ему понять, что они птицы высокого полёта, а он – нет. Заносчивые снобы! Да, он не

является элитным специалистом-медалистом-прошедшим-всякие-отборы-силовых-структур. Но это еще не значит, что он хуже! В своей области он готов соревноваться с любым из людей Миронова! Он еще докажет, что его незаслуженно недооценивают! Представился бы только шанс!

Вздрагивающий под шквальными порывами вездеход отполз куда-то в радиоактивную тьму и натужно взвыл двигателями. Содрогающаяся машина пошла вперед, и Антон прильнул к окошку в перегородке между десантным отделением и кабиной, стремясь разглядеть, что происходит впереди. Отсюда увидеть что-либо конкретное не получалось, и с минуту он видел лишь приближающиеся пятна работающих впереди прожекторов. Чтобы ураганы не разнесли ходовую оптику вдребезги, на и без того бронированные стекла и прожекторы надели стальную сетку, спаянную техниками Брилёва из чего придется. Сейчас, под градом несущихся в ураганном потоке мелких камней и черных ледышек, это решение доказало свою здравость. Особенно в случае с вездеходом, лобовому стеклу которого досталось несколько пулевых попаданий во время прошлого похода на склады Росрезерва. А ведь это он, Инженер Овечкин, предложил это решение! Кое-кто из команды Брилёва был против, мотивируя это тем, что в Центре острая нехватка материалов, особенно металла. Но Порфирьев настоял, и план Антона воплотили в жизнь. Теперь каждый может убедиться в том, кто был прав!

Мутные пятна прожекторов приблизились, и Овечкин смог разглядеть сомкнутые в подобие рассекателя грузовик с прицепом. Канаты сдерживающих их якорей были натянуты, словно струны, в местах закоривания из-под грязной снежной толщи вывернуло какие-то бетонные обломки, но в целом конструкция держалась. Для большей устойчивости солдаты в штурмовых комплектах придавливали полозья какими-то не то камнями, не то кусками раздробленных кирпичных стен, таская их из образовавшихся в результате выкорчевывания ям. Вездеход подполз к прицепу, частично скрываясь от урагана, и тряска прекратилась. Потеряв лобовое сопротивление, машина резко рванулась вперед и чуть не врезалась в прицеп. Пожарный успел остановить вездеход в метре от борта прицепа, и появившийся в лобовом стекле лейтенант жестами и командами в эфире принялся указывать ему место для остановки. Вездеход медленно выполз к точке сочленения грузовика с прицепом и уперся в их борта.

- Глуши мотор! – зарычал Порфирьев. – Сдувай подушку и ложись на брюхо, усилишь конструкцию! Хам, разворачивай базу, десять минут осталось!

Грузовой люк распахнулся, и появившиеся солдаты в экзокорсетах выволокли наружу ящик с базой. Антон с тревогой посмотрел на хронометр. Они слишком долго возились со всем этим! Базу за десять минут не развернуть, кто-нибудь может заработать интоксикацию прямо на улице, посреди урагана!

К счастью, в экзокорсетах разворачивать базу гораздо легче, чем ручную, а опыт – вещь великая. Солдаты развернули базу за шестнадцать минут несмотря на сильный ветер, к тому моменту интоксикация началась только у бывшего гражданского активиста с радиопозывным «Дно», но его успели втащить в спецпалатку достаточно быстро. Пока запускали фильтровентиляционную установку и затапливали печь, интоксикация свалила еще четверых, но в целом Антон посчитал всё прошедшим довольно удачно. Главное, что он успел вовремя оказаться в безопасности, и никто не умер. Осталось пережить самое ужасное – интоксикацию. Если только за это время ураганом не снесет заякоренные машины, которые раздавят собой базу со всеми, кто в ней находится. Овечкин улегся на своё место и с обреченной тоской уставился на хронометр, отсчитывающий последние десять секунд перед интоксикацией. Неужели его мучения никогда не закончатся? Надо что-то делать, он не может вечно ползать по этим чертовым пустошам, корчась от жестоких мучений! Его организм не выдержит такого запредельного износа, ему не место в этом убогом Экспедиционном Корпусе, он должен заниматься тем, для чего предназначен: интеллектуальным трудом в безопасности! Ему необходимо во что бы то ни стало получить должность внутри Центра, а не снаружи!

Цифры на хронометре закончили отсчет, оповещая о начале интоксикации, но сжавшийся в ожидании мучений Антон не почувствовал ничего. Он замер, со страхом вслушиваясь в собственный организм, но прошла еще минута, а страдания не наступали. Может, его организм сумел полностью адаптироваться к антираду, и теперь мучений не будет? Такого, вроде бы, ни с кем не случалось, но

кто сказал, что Антон не может быть первым? Он всегда знал, что особенный, с детства чувствовал, что ни чета многим, и его успехи на ниве сетевого хэдлайнера убедительно доказывали этот постулат! Овечкин оглянулся, собираясь увидеть, кто еще на ногах, но кроме расплывчатого силуэта Порфирьева, склонившегося над корчащимся лейтенантом, не увидел никого.

- Олег! – Антон с воодушевлением вскочил с замызганной лежанки. – У меня интоксикация не начинается! – И тут же осекся, в ужасе понимая, что сообщать об этом кому-либо равносильно собственноручной подписи под обязательством вечно ходить в экспедиции ЭК. Надо срочно исправлять ситуацию! – Но мне очень плохо...

Удар жестокой боли, врезавшийся в мозг откуда-то изнутри черепной коробки, перебил дыхание, заставляя Овечкина задохнуться словами, и тело скрутило рвущими мышцами судорогами. Антона скрючило прямо на ногах, и он неуклюже рухнул на освинцованный резинополимер спецпалатки. Горло стиснуло кислотным удушьем, саднящий резью желудок вытолкнул в пищевод едкие рвотные массы, и Антон забился в тошнотных конвульсиях.

- Всем плохо, не ты один, - пылающие жаром высокой температуры воспаленные глаза не могли разглядеть сливающийся с окружающим фоном фотохромный комбинезон, лишь раскаленная кожа лба ощутила, как ее протирает что-то холодное и мокрое, источающее сильный запах медицинской химии. – Пора бы уже привыкнуть.

Порфирьев ушел, оставив несчастного Антона страдать от жестоких мучений, и погруженное в изуверскую боль сознание потеряло счет времени. Казалось, что еще немного, и он умрет, не выдержав бесконечной боли, но боль словно специально издевалась над Антоном, не усиливаясь сверх некоего предела. Отмучившись часов десять, Овечкин потерял сознание и рухнул в безликую бездну беспамятства.

Очнувшись он от ощущения химической горечи в горле, провоцирующей редкий сухой кашель. Антон попытался прокашляться, но горечь не проходила, и он с трудом поднял голову, ища взглядом флягу с водой. Заранее оставлять рядом с собой фляги было бесполезно, люди во время конвульсий расшвыривали их по всей палатке так, что потом приходилось искать, а встроенной питьевой емкости в старых скафандрах МЧС не имелось. Овечкин мучительно скривился. Проклятый Брилев, чертов людоед, мог бы выдать нормальный скафандр хотя бы ему! Если единственный Инженер в ЭК погибнет, кто тогда будет корячиться в экспедициях?! Отправишь кого-нибудь из своих драгоценных уникамов?! Не жалко, нет? Хоть бы об этом подумал, дуболом военный...

Мутное зрение никак не обретало резкость, и Антон попытался потереть глаза руками. Оказалось, что он уже в гермошлеме, а муть перед глазами – это запачканный лицевой щиток. Овечкин распахнул гермошлем, облегчая задачу воспаленным от интоксикации глазам, и попытался обнаружить Порфирьева. В противоположной части палатки шевельнулся расплывчатый силуэт, перемещаясь от одного лежащего без сознания человека к другому, и Антон судорожно сглотнул, облизывая сухим языком пересохшие губы:

- Олег... дай воды... пожалуйста...

- Фляга рядом с тобой, - Порфирьев склонился над кем-то из солдат и принялся укреплять у него на шее какой-то медицинский прибор. – С другой стороны лежит. Рядом с капельницей.

Овечкин с трудом обернулся и нащупал непослушной рукой флягу. Плохо отвечающие на команды мозга пальцы сначала схватили блок опустошенной капельницы, пришлось разжимать кулак, выпускать коробку капельницы и тянуться к фляге. Антон дрожащими руками влил в себя половину ёмкости, и ему стало легче. В голове посветлело, зрение сфокусировалось, и он ощутил острую необходимость посетить санузел. Кое-как поднявшись на ноги, Овечкин побрел к ширме биотуалета, оглядывая погруженную в полумрак спецпалатку. Порфирьев, как всегда, вычистил рвотные массы и навел порядок, но кислый запах рвоты, ставший уже привычным, сильно давил на носовые пазухи. Видимо, уборка закончилась совсем недавно, на полу во многих местах были хорошо видны мокрые пятна на замытых участках освинцованного резинополимера, и фильтровентиляционная установка не успела очистить воздух. Кроме капитана и его самого в сознании не было никого, и Антон вяло подумал, что адаптация к антираду имеет ощутимый плюс: ему больше не придется вычищать за всеми биотуалет, потому как этим традиционно занимается кто-нибудь из тех, кто очухивается позже всех... Если только мизантроп Порфирьев не заставит

Антон чистить сортир за какое-нибудь надуманное прегрешение. Потому что это является любимым развлечением в среде вояк, если им срочно захотелось унижить кого-нибудь. Особенно гражданского.

Чувство жажды не отпускало, и вернувшись на свою лежанку, Овечкин вновь потянулся за флягой. Чтобы не оказаться виноватым, он нашел глазами Порфирьева и спросил, на всякий случай прибегнув к замученным страданиями интонациям:

- Олег... можно, я допью флягу... тут только половина осталась... жажда мучит ужасно...

- Пей, - капитан укрепил блок капельницы на шее у очередного солдата. – Воды хватает.

Антон с жадностью опустошил флягу и отдышался.

- Это не опасно? – Обеспокоенным тоном поинтересовался он. – Ставить капельницу на шею? Ты ему ничего не повредишь?

- Опасно, - Порфирьев проверил надежность крепления медицинской коробочки на коже лежащего без сознания человека и осторожно надел на него шлем. – Но снимать скафандр еще опаснее. Снегирёва обещала, что никто не пострадает, если пациент не будет двигаться.

- А если будет? – настороженно уточнил Овечкин. – Игла не порвет ему сосуды?

- Тебе же не порвала, - флегматично ответил капитан. – Судороги сильно выматывают. Когда люди после них засыпают, никто не двигается. Все лежат бревном несколько часов к ряду. А эта капельница всего на полчаса ставится. Зато облегчает мучения. У тебя как самочувствие?

- Легче, чем обычно, - Антон прислушался к себе. – Я думал, это из-за адаптации...

- Адаптация сокращает продолжительность интоксикации и немного снижает ее болевые эффекты, - объяснил Порфирьев, с капельницей в руках направляясь к лейтенанту, спящему с болезненной гримасой на лице. – На полученные от интоксикации повреждения адаптация не влияет. Накопившие радиацию клетки всё равно разрушаться и отравят тебя продуктами распада. Эта капельница должна облегчить их выведение.

- Это специальный препарат для противодействия интоксикации? – предположил Антон. – Вроде антидота? Это из противорадиационных запасов «Подземстроя»?

- Нет никакого антидота для антирада, - капитан принялся устанавливать капельницу на шее лейтенанта, - я же тебе говорил. Я не знаю, что в этих капельницах. Снегирёва намешала что-то специально для нашей экспедиции и перезарядила использованные реанимационные блоки.

- Они же вроде одноразовые? – забеспокоился Овечкин. – Это не вызовет проблем?

- Одноразовые, - согласился Порфирьев. – Зато их можно поставить на шею, не снимая скафандра, да еще шлем сверху надеть. Обычная капельница через скафандр до вены не достанет, даже если проколет. А перезаряженный реанимационный блок работает. Насчет проблем – скоро увидим. Если у тебя не начнется заражение крови, значит, Снегирёва не ошиблась.

- Почему именно у меня? – насутился Антон, напоминая себе не злить Порфирьева.

- Потому что я тебе первому ставил такую капельницу.

- Почему именно мне? – Антон насутился еще сильнее. Этот отмороженный мизантроп ставит эксперименты на единственном Инженере. Наверное, с точки зрения контуженного вояки, это гениальное решение.

- Потому что самому себе ее на шею не поставишь, - ответил капитан. – А ты первый, кто перестал дергаться после судорог.

- Я первый? – удивился Овечкин. – Мне казалось, меня часов десять ломало!

- Три с половиной часа, - поправил Порфирьев. – У тебя хорошая адаптация. Только хронометр на скафандре отрегулируй, часы спешат. Видать, сбилось что-то в настройках.

Он продолжил возиться с капельницами, и Антон улегся на свою лежанку. Заниматься калибровкой электронных систем скафандра придется по возвращении в бункер, для этого нужно оборудование и соответствующее программное обеспечение. Пока придется просто учесть, что хронометр спешит минуты на две, а еще стоит выяснить, не сбоят ли в скафандре еще что-нибудь. Но этим можно будет заняться позже, впереди почти сутки сидения в спецпалатке. Оказавшись в лежащем положении, Овечкин ощутил, как на измученный интоксикацией организм наваливается усталость, и закрыл глаза, стараясь не обращать внимание на завывания бушующего снаружи урагана.

Проснулся он от ощущения вздрагивающего под лежанкой пола. Антон испуганно подскочил, принимая сидячее положение, и едва не потерял равновесие от новой вибрации. Ближайшая к нему стена спецпалатки ходила ходуном, словно простыня, вывешенная сушиться на бельевую веревку на ветреной улице. Колеблющаяся стена была жестко соединена с полом, из-за чего ее вибрации передавались напольному покрытию, и размещенная на нем лежанка вздрагивала вместе с Овечкиным. В первую секунду Антон подумал, что спецпалатка сейчас развалится, и ринулся искать Порфирьева, но оказалось, что никто уже не спит, и все молча лежат или сидят на своих местах, напряженно прислушиваясь к завываниям беснующейся стихии.

- Что происходит? – Овечкин постарался говорить спокойно. – Почему нас так трясет?

- Ураган пришел с противоположной стороны, - ответил лейтенант, безразлично косясь на трепыхающуюся стену утомленным взглядом.

- Палатка выдержит? – Антон наспех пытался рассчитать предел прочности базы, учитывая ее немалый вес и усиленный свинцовыми нитями каркас. – Нас не опрокинет?

- Не знаю, - пожал плечами лейтенант. – Не должно, вроде. Лишь бы якоря на технике не оборвало, а то останемся здесь посреди пустоши...

В этот момент Овечкин понял, что если ураган пришел с противоположенной стороны, то сейчасдвигающиеся на огромной скорости воздушные массы бьют не в собранный из транспорта рассекаТЕЛЬ, а наоборот, давят ему в тыл, упираясь во внутреннюю поверхность образованного машинами острого угла, грозя разметать держащуюся на примитивных якорях конструкцию.

- Крепления могут не выдержать! – Антон вскочил на ноги и устремился к лежащему у стены Порфирьеву. – Олег! Надо что-то делать! Пока не поздно!

- Что ты предлагаешь? – хмуро посмотрел на него капитан. – Нам еще двенадцать часов нельзя принимать антирад. Без него наружу не выйти.

- Что будет, если принять его раньше срока?

- Отравление, - Порфирьев недовольно скривился, словно вспоминая что-то очень неприятное и болезненное. – По ощущениям такое же, как интоксикация от передозировки. Только наступает сразу. И десяти минут не пройдет, как всех скрутит. Выживут не все.

Полученная информация резко охладила пыл Овечкина, и несколько секунд Антон беспомощно глядел на трепыхающиеся стены базы, каждая из которых весила почти четыре десятка килограмм. Бьющие в них снаружи камни врезались во вздувающийся пузырем резинопolyмер с такой скоростью, что на секунду их неровная поверхность проступала через толстую фактуру стен.

- Можно как-нибудь усилить базу изнутри? – вопрос Порфирьева вывел его из ступора.

- А? Что... да, наверное... то есть, можно! – спохватился Антон. – Солдаты в экзокорсетах весят достаточно много, они могут создать собой дополнительные ребра жесткости, я покажу где надо встать! Они смогут выдержать удары летящих камней?

- Небольших – смогут, - Порфирьев посмотрел на лейтенанта: - Хам?

- Ну... – лейтенант настороженно глядел на вздувающиеся стены, на резиновой поверхности которых отпечатывались попадания разогнанных ураганом камней. – Такие камни штурмовой комплект выдержит, это так... Главное лицевой щиток под удары не подставлять... И чтобы ничего побольше не прилетело... Надо полубоком стоять, так надежнее всего...

- Расставляй людей! – велел Порфирьев, поднимаясь на ноги. – У нас шесть штурмовых комплектов, можешь обойтись четырьмя? Двоих бы оставить на подмену, мало ли что.

- Попробую! – Антон торопливо проводил в уме расчеты, вычисляя точки, в которых импровизированные ребра жесткости будут эффективнее всего.

Через пару минут он расставил закованных в экзокорсеты солдат в нужные места, и палатка стала трястись ощутимо меньше. Зато теперь прилетающие снаружи камни врезались в металл экзокорсетов, издавая зловещный грохот, и Антон вздрагивал от каждого удара, словно он сам был живым ребром жесткости. Получающие удары солдаты непроизвольно сжимались внутри своего снаряжения, но не отступали и терпеливо принимали удары, морщась не столько от боли, сколько от натянутых нервов. Полчаса оборону против стихии удавалось удерживать, и Овечкин даже решил, что опасность миновала, потому что ураганы сейчас не длятся долго, и наверняка с минуты на минуту буйство стихии прекратится по обыкновению столь же внезапно, как началось.

Внезапно натиск стихии резко усилился, и через завывания урагана донесся громкий вибрирующий хлопок, словно где-то неподалеку лопнула натянутая струна. Почти сразу же раздался глухой звук удара металла о металл, словно что-то большое и тяжелое врезалось во что-то подобное.

- Якорь лопнул! – Молодой техник вскочил и бросился к входному пологу. – Машины срывает!

- Стой! – Ринулся к нему Порфирьев, на ходу выдергивая из подсумка пенал с антирадом. – Антирад прими! Всем оставаться здесь! Выходим вдвоем, если не справимся – крикнем по рации! Кто будет выходить – помнить, что отравление начнется через десять минут!

Он добежал до техника и собрался открыть пенал с антирадом, как вдруг взбесившаяся стихия принесла с собой что-то тяжелое, и снаружи во входной полог ударило нечто большое. Удар пришелся точно по усиливающему собой входной полог солдату в экзоскворсете, его отбросило внутрь палатки, и он снес собой Порфирьева с Владимиром. Треск мощных липучек, удерживающих входной полог по всему периметру входа, потонул в завываниях урагана, вход в базу распахнулся и внутрь ввалилась здоровенная глыба грязно-бурого льда не меньше метра в поперечнике. Глыба вкатилась в палатку, но зацепилась за вбитый внутрь входной полог и остановилась. Придавленный ею полог сильно натянулся, деформируя стену базы, спецпалатку перекосило, и вся конструкция начала опасно крениться.

- Палатка сейчас сложится! – Заорал лейтенант, бросаясь к полураспахнутому входу, из которого внутрь базы порывами урагана вбивало потоки черного снега вперемешку с мелкими камнями.

Он уперся руками в глыбу и попытался вытолкнуть ее наружу, попутно освободив зажатый ею входной полог, но глыба была неровной и уперлась во что-то, находящееся под полом спецпалатки.

- Помогите ему! – Порфирьев подскочил на ноги и захромал к лейтенанту. – Быстрее!

Он попытался приподнять глыбу, чтобы та перестала упираться в невидимое под полом препятствие, но грязно-бурая ледяная поверхность крошилась под его руками, и подхватить ее удалось не сразу. Ближайшие солдаты опомнились и ринулись на помощь Порфирьеву с лейтенантом, и Антон запоздало закричал:

- Нет! Держите рёбра жесткости!

Он тоже ринулся к глыбе, но было уже поздно. Лишившись усиления, потерявшая герметичность, перекошенная спецпалатка не выдержала давления урагана и начала заваливаться набок. Овечкин понял, что сейчас база сложится и накроет их всех, а потом ее просто раздует ураганным ветром и или разорвет изнутри, или унесет в пустоши. Все, кто не переломается при этом насмерть, погибнут от радиации или отравления через несколько минут после. От страха он сжался и закрыл глаза, закрывая руками голову, но обрушения всё не происходило.

- Ветер стих! – закричал лейтенант.

- Ни хрена он не стих! – прорычал Порфирьев. – Направление сменилось! Выталкиваем эту хрень, пока не поздно! Навались!!!

Овечкин открыл глаза и увидел, как лейтенант и капитан с молодым техником упираются в ледяную глыбу, и облаченный в экзоскворсет солдат, которого ею сбilo, вновь на ногах и пытается помогать им при помощи усилителей конечностей. Пару секунд им не удавалось надежно упереться в грязно-бурую ледяную поверхность, потом солдат всё-таки изловчился подхватить ее где-то снизу, и глыбу перевернули, сдвигая с места и высвобождая прищемленный входной полог. Сразу стало понятно, почему метровый ледяной ком оказался таким тяжелым: теперь было хорошо видно, что в базу врезался обломок разможенного железобетона, облепленный слоем грязного льда.

- Осторожно! Там арматура торчит! – Антон бросился на помощь. – Не порвите пол!

- Выдержит! – Порфирьев навис на обломок всем телом. – Полог придержи! Быстро! Надо вытолкнуть ее наружу и закрыться, мы без антирада!

Оказаться перед распахнутым входом, из которого бьёт незримая смерть, было очень страшно, и Овечкин подбежал к самому обрезу сильно накренившегося дверного проёма, чтобы находиться максимально сбоку от выхода. Он подхватил тяжелую полу и изо всех сил потянул на себя, открывая выход. Тяжелая освинцованная резина вырвалась из не привычных к таким нагрузкам пальцев, и пришлось рисковать жизнью, сдвигая полог всем телом.

- Быстрее! – Панически воскликнул Овечкин, изо всех сил придавливая телом полог к покосившемуся полотну палаточной стенки. – Я получаю облучение!

Но в следующую секунду волна ужаса выбила мысли об облучении из его головы. Через открывшийся вход Антон увидел, почему прекратился едва не снесший базу ураган. Ураган не прекратился, и его бешеный натиск не менял своего направления. В десятке шагов от входа в базу, посреди забитого радиоактивной пылью мрака, стояла зловещая человекообразная фигура трехметрового роста. Пятисоткилограммовый силуэт, облаченный в подобие мешковины, замер между базой и ураганом, и потоки ревущей стихии беспомощно били ему в спину, отражаясь куда-то в радиоактивную тьму, словно ужасающий силуэт имел ширину раз в тридцать больше видимой. Крово-красные глаза гиганта источали пронзающую душу ненависть, и Овечкин ощутил, как от вспыхнувшего животного ужаса холодеет внутри. Робот видит его насквозь и жаждет его смерти!

- Роботы! – Сдавлено выдохнул он, чувствуя, как от страха отказываются шевелиться конечности.

- Навались! – полу-прошептал, полу-прорычал Порфирьев. – Всем залечь! Рассредоточится!

- Он нас не видит! – испуганный шепот лейтенанта то тонул в помехах, то звучал чище. – Иначе бы уже давно атаковал! У них тяжелое вооружение, сразу по площадям бьют! Он нас еще не заметил! Он видит базу!

- Выталкиваем эту хрень на хрен! – тяжело выдохнул капитан. – Быстро!

В трещащем эфире послышалось сипение смешавшихся друг с другом человеческого дыхания.

- Закрываемся! – Одно из сипений превратилось в рык Порфирьева. – Овечкин! Отпусти полог!

Да твою же мать, отпусти! Хам! Тащи его внутрь!

Что-то оторвало окаменевшего от ужаса Антона от земли и потащило внутрь базы.

Опомнившийся Овечкин увидел, что обледеневшего железобетонного обломка уже нет в палатке, Порфирьев судорожными рывками задергивает входной полог, солдаты бросаются на пол подальше друг от друга, хватая оружие, а самого Антона волочет лейтенант в дальний угол базы.

- Вырубай фильтровентиляционную установку и печь! – рычащим шепотом велел Порфирьев. – Свет погасить! Обогрев скафандров отключить! Никому не двигаться!

Его силуэт отпрыгнул от задернутого входа, прижался к полу и слился с грязной резиновой поверхностью. Хам бросил Овечкина в угол и ринулся подальше, выискивая наиболее свободное место среди рассредоточившихся на полу людей. Монотонный гул фильтровентиляционной установки оборвался, и база погрузилась в кромешный мрак. Антон вжался в пол, замирая, и голову заполонил гулкий стук заходящегося от страха сердечного ритма.

Минут двадцать ничего не происходило, потом пальцы рук и ног начали мерзнуть, но пошевелиться Овечкин не рискнул. Потом завывания урагана резко прекратились, и наступил штиль, погружая всё вокруг в звенящую тишину. Треск липучек, заменяющих дверные замки входному пологу, в наступившей тиши прозвучал, словно хруст лопающихся от перенапряжения нервов, и Антон подпрыгнул от страха. Роботы входят в палатку!!! Сейчас его убьют!!! Но куда бежать?!!

- Что там? – едва слышно прошептал в эфире лейтенант. – Видишь их?

- Перед входом пусто, - так же тихо откликнулся капитан. – Снегопад идет, не видно ни хрена...

Панически мечущийся на месте Антон заметил вдали маленький клочок тусклого света и понял, что Порфирьев подполз к выходу и приподнял входной полог настолько минимально, насколько мог.

- Не заметили! – в голосе лейтенанта звучало облегчение вперемешку с неподдельным счастьем. – Они нас не заметили!

- Точно? – недоверчиво прорычал Порфирьев. – Мне казалось, что он мне прямо в душу смотрит...

- Это так кажется, - всё еще шепотом возразил Хам. – Роботы используют инфразвук или что-то типа того, генерал говорил, что такие наработки у нас тоже были. Но зрение у них лазерное! На самом деле он нас не засёк! Пыль помешала, как тогда, когда ты с ним столкнулся! Иначе бы мы все уже на том свете были! Они обнаружили базу, просканировали и решили, что тут живых нет! Но на всякий случай печку лучше не врубить!

- Странно как-то... – задумчиво изрек Порфирьев, приоткрывая входной полог чуть шире. – Два месяца прошло, а они до сих пор работают. Они что, на ядерных двигателях?

- Наверное, - неуверенно согласился Хам. – А, может, их вместе с грузом запасных аккумуляторов сбросили! Закрой вход, облучаешься! Сейчас нельзя высовываться, они какое-то время бродят по району, который посчитали подозрительным! Потом уйдут прочесывать соседний, это часа через два, раньше они так действовали! Пока лучше не шевелиться!

- Пальцы мёрзнут, - вышел в эфир Весло. – Можно обогрев включить?

- У вас нет защиты от тепловизора! – Предостерегающе воскликнул лейтенант. – Они могут вас засечь! Надо потерпеть два часа! Все лежим так, как лежали!

Час все провели неподвижно, тщательно имитируя трупы, потом вгрызающийся в ступни и кисти рук холод стал нестерпимым, и измученный холодной резью Антон сообщил о надвигающемся обморожении. Военным обогрев выключать не приходилось, они, возможно, могут и сутки так пролежать, а вот у него уже зубы стучат и пальцы одеревенели так, что их не чувствуется...

Порфирьев выслушал его измученную тираду, и царящую внутри спецпалатки тишину вновь нарушил треск открывающейся липучки. На этот раз обнаружить пятно света Овечкину удалось не сразу, оно оказалось значительно выше, чем на уровне пола.

- Нас снегом засыпало примерно на полметра, - сообщил Порфирьев. – Всем гражданским включить обогрев и сместиться ко мне! – В темноте вспыхнул фонарь, заставляя Антона зажмурить отвыкшие от света глаза. – На ноги не вставать, лежать по обе стороны от входа!

Пришлось добираться до капитана ползком, упираясь в пол одеревеневшими конечностями. Несколько минут Овечкин лежал, стуча зубами, потом потеплевший скафандр отогрел перемерзшие ноги, и в них вгрызлась сильная режущая боль. Подвывающий от мучений Антон катался по полу, остальные гражданские чувствовали себя примерно так же, и страдающее сознание рисовало мрачные картины надвигающейся смерти.

- Помогите! – хрипел он. – Олег! Поставь мне капельницу! Я облучился у выхода!

- Не нужна тебе капельница, - безразлично прорычал капитан. – Ты перемерз, это нервные окончания отходят после обморожения, чувствительность возвращается. Терпи, скоро пройдет. Хам, запускай фильтровентиляционную установку, дышать становится тяжело, получим отравление углекислотой и не заметим. Печку пока включать не будем, потерпим еще час.

Освещение включили, и капитан распределил солдат собирать нанесенный ветром внутрь базы черный снег вперемешку с радиоактивной пылью. Промёрзшую спецпалатку вычистили, как смогли, снег выбросили наружу, еще через полчаса вновь растопили печку. К тому моменту боль прошла, все вернулись в норму, и Порфирьев велел приступить к раздаче сухих пайков для приёма пищи. После многочасового голодания есть хотелось ужасно, но взвинченная нервная система часто принимала стук ложек по металлу консервных банок за лягг приближающихся роботов, и Антон постоянно вздрагивал, испуганно замирая и прислушиваясь. Судя по дерганому поведению остальных, все испытывали такие же ощущения, и до самого начала следующего цикла антирада никто не решался повышать голос. После обеда Порфирьев велел всем спать, но из-за не прекращающегося страха Антон так и не смог сомкнуть глаз. Во всей спецпалатке кроме самого Порфирьева уснуть не сумел никто, и Овечкин в очередной раз пришёл к выводу, что должен любой ценой покинуть Экспедиционный Корпус прежде, чем все они умрут жестокой смертью в очередной экспедиции. Если Порфирьеву до такой степени наплевать на собственную жизнь, что он запросто спит чуть ли не под ногами у смертельно опасных роботов, то это его проблемы. Своей жизнью Антон рисковать не намерен.

Оставшаяся часть суток прошла в напряженном ожидании, и к моменту начала следующего цикла антирада никто выходить наружу желанием не горел.

- Лейтенант! – Порфирьев достал из литерного пенала красно-белую капсулу антирада и принялся жевать горькую гадость с недовольной гримасой на злобной физиономии. – Я выйду, посмотрю, что снаружи. Всем принять антирад и быть в полной боевой готовности! Если услышишь стрельбу или взрыв, попытайся быстро вывести людей к машинам. Может, повезет, сумеете завестись и оторваться. Фиксируй маршрут по гирокомпасу, на обратном пути заберете базу, вряд ли роботы станут уничтожать пустую палатку, раз не уничтожили ее сразу. Вопросы?

Вопросов у Хама, естественно, не было, хотя на его месте у Антона возникло бы вопросов двадцать. Порфирьев проверил герметичность снаряжения и принялся открывать входной полог. Вход распахнулся, и внутрь базы немедленно высыпалось килограмм пять грязно-бурого снега. За минувшие сутки палатку сильно занесло снегопадом, и выход оказался закрыт метровым сугробом. Капитан не стал возиться с расчисткой и вылез наружу напролом, обрушив внутрь спецпалатки еще одну порцию радиоактивной дряни, раза в три большую, чем в первый раз. Базу придется чистить

снова, но в данный момент такие мелочи никого не волновали. Все залегли подальше друг от друга, всё, что можно, обесточили, и база вновь погрузилась в ледяную темноту.

Порфирьева не было двадцать три минуты, и Антон почувствовал неладное. И словно в воду глядел. Не прошло и тридцати секунд, как вход в палатку приоткрылся едва-едва, и в образовавшуюся щель пролез мутный расплывчатый силуэт с автоматом в руке.

- Ничего не включать! – рычащим шепотом произнес в эфире Порфирьев. – Роботы рядом!

- Где они? – Нервно прошептал лейтенант. – Что делают? Прочесывают район?

- Ходят вокруг нашей техники, - ответил Порфирьев. – Но на прочесывание не похоже, они не расширяют зону поисков. Скорее, патрулируют.

- Они ждут нас! – в голосе Хама несложно было уловить нотки страха. – Найти не смогли, теперь ждут, когда мы сами придём за транспортом!

- Что же делать? – Молодой техник своим вопросом выразил мысль, возникшую в этот момент у каждого. – Вдруг они могут ждать нас месяцами!

- До Росрезерва ехать три часа, - капитанский рык не повысил тона, будто Порфирьев боялся, что роботы услышат его рычание. – То есть, у нас в запасе есть четыре часа. Подождем. Если они не уйдут за два часа, дождемся снегопада и попытаемся незаметно пробраться к технике. Если они действительно плохо видят в пыли, то во время снегопада шансы есть.

- За два часа те, у кого нет защиты от тепловизора, - Антон осторожно намекнул на очевидное, которое военных, конечно же, интересует мало, - получают обморожение.

- Включайте обогрев, - разрешил капитан. – И ложитесь вдоль стен, палатку сильно засыпало, снег послужит помехой в какой-то степени... раз у них так плохо с системами обнаружения... – в голосе Порфирьева мелькнули странные нотки, что-то вроде смеси скепсиса, сомнения и недоверия. – Будем надеяться...

Он умолк, и два часа все лежали молча, не произнося ни слова и почти не шевелясь. Потом капитан снова ушел на разведку, и напряженное ожидание возросло. Но на этот раз вернулся он быстро.

- Сворачиваем базу! – Входной полог распахнулся, но заметить расплывающийся в пыльной тьме силуэт Порфирьева Антон не смог. – Быстро! Кто их знает, сколько у нас времени!

- Они ушли? – Уточнил лейтенант, зажигая фонарь.

- При мне уходили, шесть минут назад, - подтвердил капитан. – Я проверил, возле техники никого не осталось. Но вернуться они или нет, я не знаю.

- Они периодически патрулируют местность, которую считают подозрительной! – заявил Хам, устремляясь за походным контейнером, в который укладывались элементы разобранной базы. – Если они не собрались уйти из района насовсем, то обязательно вернуться! Сколько их?

- Я видел четыре пары глаз, - ответил Порфирьев. – Но если по следам смотреть, то их, кажется, больше. Там снег снова пошел, трудно разобрать точно. Зато наши следы засыплет быстро, если поторопимся.

Уговаривать никого не пришлось. Люди поторопились так, что базу собрали не просто за рекордный срок, а чуть ли не вдвое быстрее обычного. Позже повторить этот рекорд никогда не получалось, но в тот момент было не до рекордов. Навьюченные люди ринулись к технике, утопая в глубоком снегу, и Антон с ужасом разглядывал цепочки здоровенных следов, испещрившие пространство вокруг транспорта. Это просто супер-везение, что роботы не стали уничтожать показавшуюся им безжизненной палатку, а обходили ее стороной. Вопрос: насколько хватит этого везения?!

Быстро запустить засыпанную грязным снегом технику не удалось, и полчаса ушло на откапывание транспорта и реанимацию двигателей. Аэросани запустились первыми, вездеход на воздушной подушке пришлось приподнимать силами всех облаченных в экзокорсеты солдат, потому что он застрял в скрытых под снежным покровом обломках не то леса, не то здания. К счастью, никаких поломок не произошло, и в конце концов его винты взвыли, нагнетая воздушную подушку. Все очень быстро полезли в кузова, занимая свои места, и колонна двинулась в путь, стараясь держать как можно более высокую скорость. Первый час все безотрывно смотрели в иллюминаторы, каждую секунду ожидая увидеть в грязной пылевой мути кроваво-красные точки лазерных систем

обнаружения, потом Порфирьев заявил, что колонна отошла от места столкновения с роботами на полсотни километров, и охватившее людей напряжение начало спадать. Люди стали улыбаться, поздравляя друг друга с редкостным везением, и только у Антона хватило интеллекта задать самый очевидный вопрос:

- Как они оказались там, где оказались? В ста десяти километрах от Росрезерва? Вдруг они пришли именно оттуда? Или еще хуже – направились туда? Нам предстоит провести там больше суток, вдруг они явятся на склады в это время?

- Предлагаешь всё бросить и повернуть обратно? – безразличным тоном поинтересовался Порфирьев. – За шестьдесят километров до цели? А в итоге нас всё равно сюда отправят.

Овечкин хотел было возразить, что жизнь дороже, но понял, что, во-первых, Порфирьеву плевать на его жизнь, а, во-вторых, на его жизнь, как и на жизни всех остальных, плевать Брилёву, который действительно отправит их сюда снова. И не исключено, что полковник-людоед не станет даже впускать их в бункер, как это произошло в самый первый раз.

- Хочу сказать, - Антон осторожно уточнил свою мысль, - что опасность еще не миновала.

- Согласен, - буркнул капитан. – Доберемся до складов – примем меры. Базу развернем где-нибудь в хранилищах, подальше от входа. Если роботы доберутся дотуда, осторожно запремся в складе и попытаемся сымитировать, что он засыпан изнутри. Если они запрограммированы на поиск живых людей и не стали уничтожать пустую палатку и технику, то обойдут склады и рано или поздно уйдут. Если у кого-нибудь есть дельные предложения – излагайте.

Следующий час все обдумывали, каким образом разместиться на складах так, чтобы обезопасить себя в случае появления роботов, и Антон очень надеялся, что не случится самого страшного: к моменту их прибытия на склады Росрезерва роботы уже будут там. И из-за всё усиливающегося снегопада не получится даже определить это по следам, потому что их засыплет. Черный радиоактивный снег валил с неба сплошным потоком, и через замызганное бронестекло иллюминатора казалось, будто вездеход двигается по дну моря, состоящего из отходов какого-нибудь супергрязного и ядовитого промышленного производства. Хронометр показывал без четверти десять вечера, пылевая темнота за бортом слилась с темнотой ночной, и вне световых пятен прожекторов видимость абсолютно отсутствовала. Что там было видно управляющим транспортом людям, из салона было не понять, но и так ясно, что видели они не много. Скорость движения упала до тридцати километров в час, и не сложно было догадаться, что заметить появление смертельно опасных роботов заблаговременно водители не смогут. Снова приходится надеяться на удачу, а удача, как известно, не бывает вечной.

- Подъезжаем! – рык Порфирьева прервал размышления Овечкина. – Всем боевая готовность! По моей команде десант спешивается и рассредоточивается вокруг транспорта!

Склады уже рядом! Антон почувствовал нарастающий страх. Ему казалось, что ехать еще минут двадцать, а уже всё! Или Порфирьев заметил роботов?!

- Ты их видишь? – нервным шепотом вышел в эфир Антон.

- Голых баб? – устало уточнил амбал. – Или въездные ворота?

- Роботов! – Антон скрыл возмущение. Он стерпит насмешки, это увеличивает шансы на выживание, а выживание сейчас приоритет номер один. – Если они будут стрелять по машинам, может, пока не поздно, лучше выйти всем?

- Противника пока не наблюдаю, - прорычал капитан. – Гражданским сидеть внутри и ждать команды! В эфир не выходить! Десанту перейти на армейскую частоту, канал номер девять! Колонне – стой! Десанту – к машине!

Вездеход остановился, находившиеся в нём солдаты, гремя экзоскелетами, выскочили наружу, люк захлопнулся, и через имеющееся в нем окно стало видно, как замирает световое пятно ходовых прожекторов двигающихся следом аэросаней. Оставшемуся в одиночестве Антону стало не по себе, и он прильнул к окошку в перегородке между кузовом и кабиной. В кабине оказалось пусто, и в первую секунду Овечкина охватил страх. Неужели водитель увидел нечто такое, что заставило его покинуть вездеход?! Антон вжался в перегородку, лихорадочно размышляя, не стоит ли ему как можно быстрее выбраться наружу. Вездеход для роботов отличная мишень, а он внутри этой мишени

обречен на стопроцентную гибель! В следующую секунду водительская дверь внезапно распахнулась, и Овечкин едва не заорал от страха.

- Что случилось?! – он едва не задохнулся, задавая вопрос влезавшему на водительское сиденье пожарному. – Почему ты выходил?

- Чтобы за руль пересесть, - тихо ответил Александр, - Олег вездеход вёл...

- Гражданским сохранять радиомолчание! – Вышел в эфир Порфирьев. – Фонари не включать! Водителям погасить все огни!

Пожарный торопливо потыкал в сенсоры бортового компьютера, позади также вырубил свет, и всё вокруг погрузилось в непроглядный мрак. С минуту Овечкин не видел даже собственных рук, потом глаза начали привыкать к темноте, и он начал различать иллюминаторы и лобовое стекло, виднеющееся через окно в кабинной перегородке. За бортом всё еще шел черный радиоактивный снег, где-то вверху угадывалось небо, остального не было видно из-за нависающих справа и слева стен прорытого к воротам складов каньона.

- Александр, ты видел ворота? – шепотом спросил Овечкин. – Возле них есть следы роботов?

- Не видел, - еще тише прошептал пожарный. – До ворот метров пятьсот, Олег остановил колонну заранее. Тихо! Он велел соблюдать радиомолчание!

Спорить Антон не стал, но от полученной информации ему стало еще тревожнее. Какое еще радиомолчание?! Порфирьев увел всех военных за полкилометра, бросив остальных тут, посреди каньона, из которого в случае чего вездеход не сможет выйти даже задом, потому что его подпёрли аэросани! Овечкин тут в ловушке, как приманка для роботов, да и остальные гражданские люди тоже! Мог бы хотя бы объяснить, что происходит, чтобы люди не пребывали в неведении! Но объяснять, понятное дело, нацик-мизантроп никому ничего не собирался, потому что он всех ненавидит, а гражданских еще и презирает. Овечкин ни капли не удивится, если окажется, что Порфирьев не обращает внимания на бегущую за ним на задних лапках Снегирёву именно потому, что она забывает в его присутствии нацепить на медицинский халат армейские погоны. Может, подать дельную мысль Брилёву? Пусть властью диктатора, то есть, начальника Центра, присвоит Снегирёвой какое-нибудь звание потолще! Глядишь, и личная жизнь наладится!

Антон попытался криво улыбнуться шутке, но смешно было от слова «никак». Попытка отвлечься от давящего на сознание страха только усугубило панические ощущения, и Овечкин окончательно удостоверился в том, что веселиться в условиях смертельной опасности могут только психически нездоровые люди. Что абсолютно логично, во-первых, и было ясно и так, во-вторых. Черный юмор военных деревянный как Буратино. Потому что им пользуются исключительно обладатели большой психики. Нормальные полноценные люди в условиях смертельной опасности испытывают страх за свою жизнь – это естественная реакция здоровой психики! Инстинкт самосохранения, заложенный природой!

Затягивающаяся неизвестность пугала всё сильнее, и Антон с трудом удерживал себя от попытки выйти в эфир и потребовать от Порфирьева объяснений. Удерживало только то, что, если опасности нет, то амбал-мизантроп обязательно расквитается с Овечкиным за то, что тот посмел нарушить его великий-превеликий приказ. А если роботы близко, то они могут отсканировать Антона, найти и убить. Двадцать минут прошли в наполненном страхом томительном ожидании, потом за стеклом иллюминаторов зашевелились какие-то массивные тени, и Овечкин от ужаса едва не заорал и не умер одновременно. Он понял, что роботы всё-таки нашли колонну, и сейчас взорвут вездеход прямо вместе с ним. Они же атакуют живых людей, как только засекут, а сейчас в кабинах сидят водители! Бежать!!! Надо вырваться из этого стального гроба, пока не поздно! Роботы плохо видят, снаружи идет снег, у него есть шанс! Антон ринулся к заднему люку, распахнул его и бросился куда-то в грязную снежную тьму, утопая в глубоком снегу.

И тут же налетел на что-то твердое, плывущее через радиоактивный снегопад. Нога врезалась в бетонную поверхность, колено обожгло болью, и Овечкин упал в черный снег, подвывая от боли.

- Антон, это ты? – голос кого-то из солдат глухо донёсся из гермошлема, и боец переключился на гражданскую частоту: - Овен, ты как, живой?

- Живой... – просипел Овечкин, корчась от боли. – Нога...

- Жаль! – вклинился в эфир злобный рык Порфирьева. – Какого хрена ты делаешь на улице? Залез в машину и заткнулся! Бегом марш! Не то вторую ногу отобью!

Встать на ногу было нереально больно, пришлось добираться до вездехода на карачках. Пока Антон полз назад, скользя перчатками скафандра по скрытому под снегом обледеневшему грунту, боль начала стихать, и он сумел осмотреться. Оказалось, что военные в экзоскелетах, объединившись попарно, тащат какие-то здоровенные бетонные обломки. В темноте грязного снегопада их сливающиеся силуэты выглядят одним угрожающим целым, и Антон принял их за боевых роботов. Кое-как вскарабкавшись в кузов вездехода, Овечкин закрыл люк и принялся растирать плещущее болью колено. Минут через пять солдаты потянулись обратно, потом в эфир вышел Порфирьев и приказал водителям на малом ходу двигаться к воротам. Колонна пришла в движение и поползла к воротам. Как только вездеход вошёл внутрь, капитан велел аэросаням останавливаться перед въездом и глушить двигатель.

- Всем зайти внутрь! – Прорычал он в эфире. – Грузовик с прицепом остаётся снаружи!

- Не лучше ли завести внутрь всю технику? – Поинтересовался Антон, вылезая из вездехода. – Это позволит нам укрыть ее от роботов... – Он осёкся, замечая изменения, произошедшие со складами с момента последней экспедиции: - Что здесь происходило?

Пустой ангар был заполнен следами человеческих ног и обрывками упаковочных материалов, кое-где лучи наשלменных фонарей выхватывали из мрака валяющиеся на полу разбитые транспортировочные ящики. На устилающей бетонную поверхность возле выезда грязно-бурой снежной грязи отчетливо виднелись отпечатки гусениц.

- Кто-то побывал здесь совсем недавно, - ответил Порфирьев. – Они погрузили что-то на тяжелую технику и ушли. Но не просто так. Ворота подперли баррикадой из бетонных обломков и заминировали ее. Хорошо, что было это совсем недавно, баррикаду не успело засыпать снегом слишком сильно. Удалось снять мины без летального исхода. Наш грузовик и прицеп на полозьях, по асфальту они будут заходить сюда слишком проблемно, а гружеными потом вообще не выйдем. Пусть остаются снаружи. Заодно послужат препятствием, если эти вернуться. Их больше, чем нас, единственный шанс удержать оборону – подавить огнём в узком месте и не позволить пройти каньон. До интоксикации еще есть время, поэтому пока запираемся внутри и приступаем к обследованию складов. Гражданским от вездехода не отходить! Тут могут быть еще мины. Базу пока разворачивать не будем.

Конец ознакомительного фрагмента. Вся информация о том где можно купить книгу представлена на сайте www.tarmashev.com